

Михаил Дубровский

ВСЕОБЩЕЕ СВЯЩЕНСТВО КАК ВЫЗОВ И НЕОБХОДИМОСТЬ

Принципиальное требование Господа — «священство всех верующих» — исторически всегда вступало в конфликт с реальной жизнью Божьего народа. Подлинная реформация невозможна без отклика на призыв «быть царями и священниками». Насколько возможно реализовать принцип всеобщего священства в современной ситуации?

Данная работа является результатом рефлексии дискуссий о всеобщем священстве на Третьем Евангельском соборе, Первой богословской конференции «От греков к варягам» и на Московском богословском семинаре осенью 2012 года. Толчком к этим дискуссиям послужило обсуждение статуса служителей в евангельских церквях и вопросы, связанные с отсутствием в русскоязычном евангельском пространстве понятия о трудовой этике. Дискуссии на Соборе, конференции и семинаре разворачивались вокруг следующих основных тем:

1. Что вкладывается в понятие «всеобщее священство»?
2. Как воплощался (если воплощался) принцип всеобщего священства в истории Церкви?
3. Какова ситуация относительно священства всех верующих в современной Церкви, и в чем причина именно такой ситуации?

4. Как принцип всеобщего священства может быть реализован в условиях современной городской общины? Какие изменения в учении и практике современной Церкви для этого необходимы?

Всеобщее священство как принципиальная позиция

Известно, что понятие всеобщего священства ввел Мартин Лютер в трактате «К христианскому дворянству немецкой нации», но сама идея укоренена в Писании, причем еще в Ветхом Завете: **«Вы видели, что Я сделал с египтянами, видели, как нес Я вас на орлиных крыльях и принес к Себе! Если вы будете Мне послушны и верны договору со Мною, то вы будете Моим драгоценным сокровищем среди всех народов земли! Вся земля Моя, а вы будете у Меня царством священников, святым народом!»** *Передай эти слова сынам Израилевым»* (Исх 19:4-6)¹.

Лишь позже, когда народ отказывается приближаться к Богу, возникает институт жрецов-священников как посредников между Богом и Божьим народом. Тем самым библейское повествование показывает, что институт «сугубого священства» не был изначальным замыслом Бога для Его отношений со Своим народом. Это косвенно позже подтверждает и Моисей, когда восклицает: **«...О, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!»** (Числ 11:29).

В Новом Завете происходит обновление и восстановление изначального замысла. Признание власти апостолов со стороны священников и левитов (Деян 4:36,37; 6:7) показывает, что уже в Иерусалимской Церкви привычные для евреев понятия о священстве утратили силу. Богословское основание для этого дано в послании к Евреям, где вводится представление о двух видах священства: по чину Аарона — наследственное, институализированное, и по чину Мелхиседека, которое не вписывается ни в какие человеческие каноны, но в котором Бог лично действует по Своей суверенной воле. Далее подробно объясняется превосходство

Институт «сугубого священства» не был изначальным замыслом Бога для Его отношений со Своим народом.

священства Иисуса, чем и обосновывается отмена ветхозаветных представлений о священстве как утративших силу. Наконец, в первом послании Петра (1 Петр 2:9), в котором, фактически, цитируется текст из Исхода, вновь утверждается принцип священства всех верующих: **«Но вы — избранный род, священство Царя, святой народ, Божье владение, избранные,**

¹ Современный перевод РБО, 2011.

чтобы возвестить о великих деяниях Того, кто призвал вас из тьмы в Свой дивный свет» (1 Петр 2:9)².

Итак, священство всех верующих есть изначальный замысел Бога, который Он стремился воплотить и в Израиле, и в Церкви. Уместно задать вопрос: что есть этот первоначальный замысел? Ведь понятно, что Господь, называя Израиль «царством священников», не имел в виду, что все израильтяне будут только тем и заниматься, что приносить жертвы в Храме!

Кажется, наиболее очевидный (хотя и необязательно самый верный) ответ на этот вопрос заключается в том, что израильтяне были призваны Богом к тому, чтобы образом своей жизни явить истинного Бога другим народам. Во всяком случае, слова Моисея во Второзаконии подтверждают эту догадку: **«Строго соблюдайте и исполняйте их — и тогда все народы увидят вашу мудрость и разум. Услышав обо всех этих предписаниях, они скажут: «Как мудр и разумен этот великий народ!» Есть ли еще такой великий народ — народ, чьи боги были бы так близки к нему, как близок к нам Господь, наш Бог, когда мы призываем Его? Есть ли еще такой великий народ — народ, чьи правила и законы были бы так справедливы, как этот Закон, который я даю вам ныне?»** (Втор 4:6-8)³.

Ему вторит и апостол Петр, говоря, что мы призваны **«возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет»** (см. 1 Петр 2:9).

Отсюда следует довольно неожиданный вывод, что подлинным священнодействием в глазах Бога является не совершение каких-то ритуалов, а образ жизни, повседневная жизнь людей, верующих в Него. Если так было задумано еще в Ветхом Завете, тем более это верно для христиан. И подлинный вызов Церкви — воплотить этот замысел в реальность, научить христиан жить так, чтобы сама наша жизнь, наша работа, наши отношения стали свидетельством о той Реальности, которую мы зовем Богом...

Позже мы еще вернемся к этому вопросу. Пока же рассмотрим ряд понятий, так или иначе связанных с нашей темой.

Всеобщее священство vs апостольское преемство

Понятие «апостольское преемство» формируется постепенно. Приведем наиболее значимые этапы.

Сначала Игнатий Антиохийский (Богоносец) в самом конце I века разделяет позиции пресвитера и епископа, которые до этого полагались как равные: по сути, церковной общиной управляла группа лидеров,

² Современный перевод РБО, 2011.

³ Там же.

которые где-то назывались епископами, а где-то — пресвитерами. В пасторских посланиях Нового Завета равнозначность этих позиций очевидна даже без глубокого анализа. Игнатий же выделяет епископа как ключевую фигуру, единственного лидера церковной общины города. Пресвитеры и дьяконы ставятся в подчиненное положение: они помогают епископу в служении и выполняют те или иные действия по распоряжению и/или с благословения епископа. Соответственно, в каждом городе может быть только один епископ — так формируются зачатки понятия «каноническая территория». Более того, согласно Игнатию именно епископ несет на себе всю полноту церковности: где епископ, там и церковь⁴. Уже не община, не собрание народа Божьего является земным выражением Тела Христова, эта функция приписывается одному человеку! Именно этим решением было заложено основание будущих проблем, связанных как с лжеучениями, так и со злоупотреблениями властью.

И подлинный вызов Церкви — научить христиан жить так, чтобы сама наша жизнь, наша работа, наши отношения стали свидетельством о той Реальности, которую мы зовем Богом.

Понять, почему священномученик Игнатий настаивает на таком способе организации церковной жизни, можно. Смерть апостолов, гонения и ереси, причем в ситуации отсутствия канона Нового Завета и внятной системы управления — все это представляло для Церкви серьезную угрозу. Решения, предложенные Игнатием, позволили удержать ситуацию. Однако за эту победу пришлось заплатить смещением акцента в понимании Церкви с жизни общины как клеточки таинственного организма на священническую иерархию как носителя церковности⁵.

Второй сюжет связан с именами Иринейя, епископа Лиона (вторая половина II века) и Тертуллиана (II-III вв). Именно они вводят понятие апостольского преемства, согласно которому законным является только тот епископ, чье рукоположение можно проследить непосредственно до апостолов. Считается, что первых епископов рукоположили сами апостолы (что и само по себе не очень достоверно, но еще менее достоверно, что

⁴ На самом деле Игнатий Антиохийский нигде прямо такого не утверждает. Точная цитата звучит так: «Где будет епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и католическая Церковь» (Игнатий Богоносец, Послание к смирнянам, гл. VIII). Но исторически его слова понимались именно так: есть епископ - значит, есть и Церковь, нет епископа - нет и Церкви.

⁵ Стоит отметить, что уверенно констатировать различие между клиром и мирянами можно лишь с третьего столетия. См. Г. Кюнг, «Церковь». ББИ, М., 2012, с. 174

апостолы понимали епископское служение так же, как это позже формулирует Игнатий Богоносец), тем самым передав им особую благодать созидания Церкви.

И с тех пор эта благодать передается через рукоположение последующим епископам. Важно подчеркнуть: поскольку именно епископ на данный момент считается подлинным носителем церковности, то речь идет именно о рукоположении епископов. Пресвитер или дьякон не может передавать благодать, они могут служить лишь под руководством и с благословения епископа. Слабое место этой конструкции заключается уже в первом ее звене: понятно, что апостолы не рукополагали епископов в указанном выше смысле, для них носителем церковности являлась община, а список служителей включал куда больше позиций. Это видно и из книги Деяний, и из посланий апостолов, в которых позиции пресвитера и епископа полагаются как равные (например, Тит 1:5-7). Но конструкция, введенная Игнатием, обладала мощной притягательностью и ясностью, потому ее основания в тот момент никто не рефлектирует. И апостольское преемство становится нормой церковного строительства на долгое время.

Надо добавить, что Тертуллиан ввел еще один элемент, усиливающий эту конструкцию. Он фактически связал принцип апостольского преемства с ортодоксией, верностью учения. Согласно Тертуллиану, верным является учение того епископа, который может показать преемственность своего рукоположения непосредственно от апостолов. В ситуации, когда устному слову доверяли больше, чем письменному, когда еще не произошло официального общецерковного закрепления ни одной из доктрин, когда цепочка передачи еще очень короткая (например, Ириной был учеником Поликарпа, епископа Смирны, а тот, в свою очередь, — учеником апостола Иоанна), введение такого принципа было понятным и оправданным. Но на каком основании принцип, рожденный в конкретной ситуации для решения конкретных проблем, стал универсальным для Церкви на все времена? Не свидетельствует ли такой подход о фактическом отступлении от заветов Отцов Церкви, которые не боялись творчески относиться к полученному наследию, прилагая его к конкретной проблеме или ситуации, в то время как их последователи отказались от творческого подхода и возвели ситуативные решения в ранг универсальных принципов?

Найти ответ на эти вопросы еще предстоит. Для нас же сейчас важно показать, что введение епископата в его новом, не

На каком основании принцип, рожденный в конкретной ситуации для решения конкретных проблем, стал универсальным для Церкви на все времена?

новозаветном понимании, и утверждение принципа апостольской преемственности привело к забвению завета о всеобщем священстве верующих. Ведь если благодать на служение передается только в рукоположении, то совершать священнослужение может далеко не каждый. Усиление епископата требовало отказа от «снаряжения святых на дело служения», отказа от того, чтобы считать каждого христианина полноправным священником в том труде, который вверен ему в соответствии с его дарами.

Новозаветное понимание священства

Внимательное чтение Писания дает возможность положить принципиально иной подход к преемственности от апостолов: **«От Симеона Петра, служителя и апостола Иисуса Христа, — тем, кто благодаря оправданию Богом нашим и Спасителем Иисусом Христом, обрел веру, столь же драгоценную, как наша»** (2 Петр 1:1)⁶.

В самом начале своего письма апостол утверждает, что всякий, кто оправдан Иисусом Христом, обрел веру того же качества, что и вера самих апостолов! Иными словами, с апостольской эпохой (и со всей историей Церкви) нас связывает не длинная цепочка епископов, а личная встреча с Воскресшим, благодаря которой произошло преображение наших жизней. Более того, если вера каждого из нас — столь же драгоценна, как и вера самих апостолов, то призвание к священническому служению становится абсолютным императивом для каждого христианина. Новый Завет написан не для епископов как носителей церковности — его книги обращены ко всем последователям Христа и сообществу верующих — церковной общине. Из истории мы знаем, что письма апостолов читались на собораниях Церкви, и каждый верующий должен был принимать решения и действовать в соответствии с услышанным. Новозаветной нормой жизни Церкви являются не апостольская преемственность и епископат, но всеобщее священство и соборность. Нормой, за возврат к которой надо бороться, прежде всего, в собственной жизни.

«При вступлении в Церковь верующий через таинство Крещения и ниспослание ему дара Духа Святого поставляется на служение в Церкви. Всякий член Церкви — харизматик, обладающий благодатью Божией. Дар Духа Святого, получаемый каждым верным в таинстве Миропомазания, сообщает ему харизму царственного священства. В Церкви нет даров Духа без служения, как и нет служения без даров. Через харизму царственного священства верный призывается к священническому служению в Церкви»⁷.

⁶ Современный перевод РБО, 2011.

⁷ http://www.liturgy.ru/tainstva_sviaschenstva

Всеобщее священство vs трудовая этика

В данном разделе мы рассмотрим примеры протестантской трудовой этики как наиболее глубоко проработанной. Однако общие выводы вполне применимы и к другим этическим системам.

Как отмечалось выше, Лютер был первым, кто вновь поставил вопрос о священстве всех верующих. Последующее развитие протестантских стран Европы, а также США, создает впечатление, что принцип всеобщего священства нашел свое воплощение, с легкой руки Макса Вебера получившее название «протестантская трудовая этика», в специфическом отношении к труду и богатству. Анализ трудовой этики протестантов, проведенный Вебером, заставляет задуматься о многом. Но для нашего исследования, прежде всего, нужно поставить вопрос, насколько протестантская трудовая этика соответствует духу самой Реформации? Другими словами, является ли протестантская трудовая этика адекватным выражением принципа всеобщего священства? На первый взгляд, описанное Вебером отношение к труду и ресурсам есть прямой результат личной веры и ответственности перед Богом за доверенное Им в этой земной жизни. Однако сам Вебер в своей работе неоднократно подчеркивает, что ни у Лютера, ни у других отцов Реформации невозможно найти идей, которые легли в основу подобной этической системы⁸.

Протестантизм, безусловно, поднял достоинство повседневного труда (а также — ценность семейных отношений, домашней работы и

⁸ Вот лишь одна из множества подобных цитат: «Если мы, исследуя взаимосвязь между старопротестантской этикой и развитием капиталистического духа, отправляемся от учения Кальвина, кальвинизма и других «пуританских» сект, то это отнюдь не означает, что мы предполагаем обнаружить, будто кто-либо из основателей или представителей этих религиозных течений в каком бы то ни было смысле считал целью своей жизненной деятельности пробуждение того «духа», который мы именуем здесь «капиталистическим». Мы, конечно, не предполагаем, что стремление к мирским благам, воспринятое как самоцель, могло кому-нибудь из них представляться этической ценностью. Раз навсегда необходимо запомнить следующее: программа этической реформы никогда не стояла в центре внимания кого-либо из реформаторов... Они не были ни основателями обществ «этической культуры», ни носителями гуманных стремлений и культурных идеалов или сторонниками социальных реформ. Спасение души, и только оно, было основной целью их жизни и деятельности. В нем и следует искать корни этических целей и практических воздействий их учений; те и другие были лишь следствием чисто религиозных мотивов. Поэтому нам придется считаться с тем, что культурные влияния Реформации в значительной своей части... были непредвиденными и даже нежелательными для самих реформаторов последствиями их деятельности, часто очень далекими от того, что проносились перед их умственным взором, или даже прямо противоположными их подлинным намерениям». Макс Вебер, «Протестантская этика и дух капитализма», с. 35

воспитания детей) на совершенно новый уровень, тем самым придав ежедневной работе высший смысл. Понимание труда как призвания от Бога дало мощный импульс развитию как отдельного человека, так и целых наций. Но можно ли на таком основании считать, что в этом и был замысел Бога, когда Он говорил о царственном священстве верующих? На этот вопрос мы вынуждены дать отрицательный ответ.

Во-первых, протестантская трудовая этика весьма напоминает этику фарисеев, так ярко переданную в Новом Завете (о чем Вебер прямо говорит в своей работе). Есть четко обозначенные границы, за которые не следует заходить, а в остальном человек волен делать, что угодно. Это может напоминать известное выражение блж. Августина «Люби, и делай, что хочешь», но у Августина призыв любить задает недостижимую высоту, а потому требует постоянного внутреннего поиска, работы над собой, ежедневного подвига веры. Протестантская этика, напротив, создавала условия, в которых человек считал себя глубоко благочестивым (и таковым считали его и другие), в то время как его совесть могла оставаться практически в спящем состоянии. Место поисков запредельного занял идеал спокойной размеренной жизни, приносящей к тому же неплохой доход. При таком подходе было легко оправдать эксплуатацию ближнего, несправедливое распределение благ и социальную несправедливость.

Протестантская трудовая этика есть редукция принципа всеобщего священства.

Вторая причина, по которой невозможно признать трудовую этику протестантизма подлинным выражением принципа священства всех верующих, заключена в состоянии самих протестантских церквей. Хотя протестантизм формально и отказался от священнической иерархии, изменив и церковное вероучение по этому вопросу, и структуру церковных общин, но по факту разделение на священников и мирян оста-

лось. В одних направлениях протестантизма это может быть выражено менее, чем в других, но в той или иной степени присутствует во всех конфессиях. Протестантским общинам не удалось реализовать ни призыв к священству всех верующих, ни к соборности в жизни. Высота, заданная Евангелием, была сведена до трудовой этики и участия членов общины в выборах пастора и обсуждении бюджета.

Таким образом, протестантская трудовая этика есть редукция принципа всеобщего священства, сведение его до добросовестного труда и легальной наживы. Но здесь нет ничего специфически христианского: чтобы следовать этим этическим нормам, вовсе необязательно иметь личные

отношения с Христом. Заметим, что последнее утверждение в равной мере относится и к любым другим этическим принципам. В христианстве, безусловно, есть и этическое учение, но христианство не может быть сведено к этике. Более того, этика Нового Завета не так уж сильно отличается от других этических систем. Принципиальное отличие христианства в том, что в его основе находятся личные отношения человека с Богом, опыт встречи с Воскресшим, опыт прощения грехов и исполнения Святым Духом. И если мы хотим ответить на вопрос, как вообще возможно всеобщее священство, мы должны искать ответ в этом, весьма специфическом направлении.

Всеобщее священство: принципиальные положения

Наш краткий обзор показывает, что Церковь не смогла удержаться на высоте призвания к царственному священству всех верующих. Каждый раз христиане соглашались на компромиссный, редуцированный вариант, позволяющий успокоить совесть и вести более или менее устроенную и размеренную жизнь без необходимости ежедневного сверхусилия в стремлении найтись в Нем.

Интересно, что описание двух типов такой редукции удивительным образом напоминает описание двух основных групп, противостоящих Христу в Евангельских повествованиях. Саддукеи — сыны Садока, которым было обещано вечное священство за верность во время отступничества всего Израиля (Иез 44:15), — во времена Христа полностью контролировали Храм и все, что с Храмом было связано. Наследственный принцип постановки священников делал невозможным включение в эту группу кого бы то ни было еще. При этом сами саддукеи были уже весьма далеки от того образца, который дал им такую привилегию.

Фарисеи — группа людей, фанатически преданных выполнению норм Закона — образец иудейской этической праведности. Характерно, что Христу активно противодействуют обе эти партии. И не менее показательно, что Христос, выстраивая Свое служение и формируя основание Церкви, обходит Своим вниманием представителей этих наиболее значимых групп. Очевидно, Ему было необходимо положить в основание Своего служения какой-то *иной* принцип. А потому Он не мог опереться в Своей работе на тех, чье мировоззрение было «заквашено» устаревшими представлениями.

Очень похоже, что слова Христа **«берегитесь закваски фарисейской и саддукейской»** (Мф 16:6) сохраняют свою актуальность и сегодня. В поисках подходов и принципов реализации священства всех верующих мы не сможем опереться ни на апостольское преемство, закрепляющее

подлинную церковность за иерархией, ни на этику, поскольку в последнем случае вера сводится к определенному стандарту поведения. Нужно искать *иной подход*, который позволит осуществлять призыв к всеобщему священству на практике.

И прежде всего, нужно определить, что подразумевается под священством и священнослужением (священнодействием). Кажется очевидным, что призыв к священству всех верующих исключает возможность понимания священнослужения как совершения особых ритуалов или таинств. Писание дает несколько принципиальных положений, которые помогут нам прояснить, что понимается под священством.

1. Священник привносит в мир *иное*

«Но вы — избранный род, священство Царя, святой народ, Божье владение, избранные, чтобы возвестить о великих деяниях Того, кто призвал вас из тьмы в Свой дивный свет» (1 Петр 2:9)⁹.

Петр говорит о том, что наша задача — открыть Бога в этом мире. Фактически, именно эта задача стояла и перед Израилем во времена Ветхого Завета (см. Втор 4:6-8). Адам, получив задачу **«владычествовать над всей землей»** (см. Быт 1:26-28), тоже должен был через свой труд явить Божью славу.

Этот мир обретает смысл только тогда, когда в нем открывается духовное, неземное измерение. В противном случае все схлопывается до банальной борьбы за существование. В таком плоском мире нет места ни творчеству, ни подлинным отношениям, ни человеческой свободе. Все это возможно лишь в том случае, если люди сознают, что выжить — еще не самое главное, что материальные ценности являются далеко не единственными; если верят, что в жизни есть высший смысл. И подлинное священнослужение состоит в том, чтобы тем или иным способом открывать дверь в иное измерение, дать людям прикоснуться к иному бытию — тому, что в Писании называется Царством Божиим.

Этот мир обретает смысл только тогда, когда в нем открывается духовное, неземное измерение.

Это — очень непростая задача. В нашем мире, который человек стремится редуцировать до поддающихся измерению и контролю «операций с материальными объектами», которые при этом имеют вполне зримое измерение «пользы», священник должен постоянно

⁹ Современный перевод РБО, 2011.

восстанавливать *иное* измерение. Он должен напоминать, что видимый мир — это еще далеко не все, что мы никогда не сможем контролировать все, что зависимость от иного — это одно из оснований нашего мира и, одновременно, одна из базовых потребностей самого человека. Мир этому священническому напоминанию отчаянно сопротивляется, потому что в таком свидетельстве об *ином* подвергается сомнению право и потенция человека на тотальный контроль хотя бы своей собственной жизни. Но одновременно мир отчаянно нуждается в этом свидетельстве, поскольку, если напоминание о мире горнем исчезает из мира сего, люди ощущают бессмысленность своего бытия и своей деятельности. Именно поэтому мир так яростно атакует всякого, кто отваживается на такое свидетельство: он стремится и ниспровергнуть этого свидетеля, и убедиться, что это свидетельство истинно.

Это значит, что священник все время находится под давлением — удивительно ли, что удерживать призыв к всеобщему священству так трудно? Чтобы приносить в мир *иное*, священник должен быть одновременно развернут и к Богу, и к миру — нужно ли говорить, что это требование почти невозможное? Потому столь велико искушение свести задачу священника до выполнения определенного алгоритма действий — так, чтобы каждый священнослужитель мог точно понимать, что от него требуется. Но такая подмена быстро осознается и отвергается: нам невыносимо трудно жить на высоте этого призвания, но ничем меньшим мы удовлетвориться не можем. Призвание работать с *иным* требует ежедневного выхода за пределы того, что нам самим понятно, что мы способны контролировать.

Одна из основных проблем Церкви: мы думаем, что уже обладаем тем, что должны дать миру, в то время как мы сами точно так же нуждаемся в том, чтобы снова и снова **обретать Бога**. Мы мним, что Бог *иной* только для внешних, а для нас Он уже свой, близкий и понятный, забывая, что святость — это прежде всего инаковость. Нам нужно, как и израильтянам в пустыне, каждый день собирать свежую манну. Нам нужно каждый раз по-новому открывать Бога и удивляться тому, как сильно Он отличается от наших о Нем представлений.

Только открываясь *иному*, мы обретаем способность открывать *иное* Другому. Этот *Другой* и есть подлинная цель нашего священнического служения.

Нам невыносимо трудно жить на высоте этого призвания, но ничем меньшим мы удовлетвориться не можем.

2. Священнослужение — это всегда служение другим людям

«Ведь всякий первосвященник выбирается из людей и для людей как их представитель перед Богом, чтобы приносить Ему дары и жертвы за грехи» (Евр 5:1)¹⁰.

Это — принципиальный момент. Возможность напрямую, без посредников приходить к Богу и общаться с Ним — еще не есть священнослужение. Быть священником — значит **жить для других**. Личное общение с Богом, стремление раскрыть и реализовать свои дары и таланты, поиск святости и проч. обретают подлинную ценность только в том случае, если они сопряжены с реальной помощью другим людям. Самый сильный образ священнослужения, оставленный нам Христом — это Господь, омывающий ноги ученикам. Призыв к царственному священству — это смертельный удар по нашему эгоизму.

Вот почему заповедь о любви к Богу всегда сопровождается *«подобной ей заповедью»* о любви к ближнему, а Богопознание тесно связано с милосердием (см. Мф 22:37-40; Ос 6:6). Вот почему разделение на овец и козлов проходит по принципу *«что сделали одному из меньших, сделали Мне»* (см. Мф 25:40).

Важно также отметить, что те *другие*, кому мы призваны служить, — это люди, которые еще не знают Христа. Если весь народ Божий — царственное священство, то наше служение должно быть направлено не внутрь Церкви, а вне ее — на мир. Что подразумевает радикальный разворот Церкви к миру, его болям и вызовам. А каждого из нас — к конкретным людям, которые нас окружают.

Тогда становится понятна роль тех, кто несет в Церкви особое, отделенное служение. Их задача — не столько обслуживать нужды верующих, сколько снаряжать христиан и подготавливать их для выполнения служения в мире в соответствии с дарами, которыми те наделены. Собственно, об этом и пишет Павел в Послании к христианам в Эфесе (см. Еф 4:11-16): апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя поставлены Христом для того, чтобы подготовить **каждого верующего** для выполнения данного ему служения. Иными словами, их задача состоит не в том, чтобы делать всю работу самим, и даже не в том, чтобы «окормлять христиан». Их основная задача — высвободить каждого христианина для священнического служения в соответствии с его уникальным даром и призванием! Все остальные задачи важны лишь постольку, поскольку способствуют достижению этой главной цели.

Здесь следует отметить, что нигде в Новом Завете ни слова не говорится о том, что люди, совершающие служение *«снаряжения святых»*

¹⁰ Современный перевод РБО, 2011.

на дело служения» (см. Еф 4:11-12), имеют какой-то особый священнический статус. Дары действительно различны, но не наличие дара делает человека священником. Священническое служение состоит в том, чтобы связывать Небо и землю, приносить реальность Царства Божьего в земную реальность. Эта задача в равной степени доверена каждому христианину. Различие даров позволяет нам делать эту работу в разных сферах жизни общества и делать ее по-разному. Но священническое призвание — это призвание каждого из нас.

3. Священнодействием может и должна быть любая повседневная деятельность

В понимании всеобщего священства чрезвычайно важно удерживать установку, что священнослужением должна быть та деятельность, которой я занят большую часть своего времени. Священнослужение начинается не тогда, когда я прихожу к Богу в молитве. И не тогда, когда я могу поделиться Евангелием с друзьями или коллегами по работе. Замысел Божий состоит не в том, чтобы основную часть жизни мы тратили на пустые дела. Каждое дело может и должно быть наполнено Его присутствием. Каждый труд может быть открытием *иного бытия* — для себя и для других. Выполнение моей работы — дома или на рабочем месте — вот что по замыслу Бога должно быть служением перед Его лицом!

При этом речь идет не просто о добросовестном выполнении работы. Как уже отмечалось выше, в трудовой этике как таковой нет ничего специфически христианского. Деятельность становится священнодействием в том случае, если в ней открывается то *иное бытие*, о котором шла речь в первом пункте.

Очевидно, что это может происходить исключительно благодаря **внутреннему состоянию** самого человека, занятого той или иной деятельностью. Такое состояние характеризуется внутренней настроенностью на священное, переживанием в процессе деятельности Божьего присутствия, осознанием и удержанием смысла этой деятельности, совершением ее как служения Богу и людям.

Как раз об этом и пишет апостол Павел: **«Рабы, во всем подчиняйтесь своим земным господам. И не напоказ, как это делают подхалимы, но от чистого сердца и из благоговения перед Господом. Что бы вы ни делали, трудитесь от всей души — как если бы это было для Господа, а не для людей. Ведь вы знаете, что Господь даст вам в**

Священническое служение состоит в том, чтобы связывать Небо и землю.

награду наследие. Ваш Господин — Христос, вы служите Ему» (Кол 3:22-24)¹¹.

Именно такой подход и превращает абсолютно любой вид деятельности, от проповеди Евангелия на миссионерской ниве до труда домохозяйки, ухаживающей за детьми, в подлинное священнодействие. Можем ли мы представить *такую* Церковь? Можем ли мы оценить силу ее влияния? Но верно и обратное: любая работа, совершаемая в ином состоянии, не является священнослужением, даже если это — ведение богослужения, совершение Причастия или преподавание крещения.

На практике такое понимание труда и такое состояние в процессе совершения труда достигается с большим усилием и удерживается крайне редко. По всей видимости, именно это и приводит к тому, что статус священнодействия закрепляется лишь за отдельными видами деятельности, которые считаются священными не в силу того, *как* они совершаются, а просто в силу особенности (отделенности) самого действия. Неизбежным следствием такого подхода становится разделение деятельности на сакральную и профанную, выделение касты священников-жрецов и сведение библейского представления о труде до того или иного варианта трудовой этики. Как результат — христиане из священников Всевышнего Бога, наделенных царственным достоинством, превращаются в прихожан, христианство начинает восприниматься как одна из религий, а Христос — как один из богов. И если мы хотим изменить сложившуюся ситуацию, то это можно сделать, лишь восстановив подлинно библейское представление о священстве всех верующих. Чтобы осуществить это не на словах, а на деле, Церковь должна признать каждый труд священнослужением и сосредоточиться на снаряжении каждого христианина на выполнение такого служения.

4. Священнослужение — это путь жертвы

«Разумеется, всякий первосвященник назначается для того, чтобы приносить дары и жертвы...» (Евр 8:3)¹².

«И сами вы, как живые камни, создайте из себя духовный Храм, чтобы, став святым священством, приносить через Христа Иисуса духовные жертвы, приятные Богу» (1 Петр 2:5)¹³.

В предыдущем разделе уже отмечалось, что призыв к ежедневному пребыванию в Божьем присутствии в процессе любого труда делает

¹¹ Современный перевод РБО, 2011.

¹² Там же.

¹³ Там же.

священство всех верующих довольно трудноосуществимой задачей. Не легче и следующее требование. Священник — это тот, кто совершает жертву. И если в Ветхом Завете в жертву приносятся животные и плоды рук человеческих, то Новый Завет выдвигает куда более высокие требования. Эту перемену показывает нам Жертва Христа: **«Но когда явился Христос как Первосвященник уже свершившихся благ, Он прошел через большее и еще более совершенное святилище, нерукотворное, то есть не относящееся к вещам сотворенным. И вошел в святыню святых раз и навсегда, и не с жертвенной кровью козлов и телят, но с собственной кровью, обретя для нас вечное искупление»** (Евр 9:11,12)¹⁴.

Отныне жертвы, приносимые в Ветхом Завете, осмыслены как образы, указывавшие на жертву Христа. И, хотя никто из нас не может повторить искупительный подвиг Христа, мы все призваны к совершению священнослужения по Его примеру и образцу. Что означает, что наша жизнь должна быть совершением постоянного жертвоприношения: **«Братья, ради милосердия Божьего к нам, я вас прошу: отдайте себя, свое тело Богу как живую жертву, освященную и угодную Ему. Только такое служение истинно духовно»** (Рим 12:1)¹⁵.

Наша жизнь должна
быть совершением
постоянного
жертвоприношения.

Таким жертвоприношением может быть:

1. Сознательный отказ от тех или иных привилегий, удобств или удовольствий, сознательное снижение уровня жизни ради служения Богу и людям. Разновидностью жертвы такого рода является пост.
2. Частичная или полная утрата имущества, потеря социального статуса, свободы, здоровья или жизни, которые произошли в процессе служения Богу или людям. Фактически, речь идет о готовности к гонениям и согласии пройти их ради Господа.
3. Посвящение времени, которое человек мог бы потратить на себя, служению людям. То же самое относится и к деньгам или иному имуществу. О такого рода жертвах Новый Завет говорит многократно.
4. Готовность уступить: прощать и просить прощения первым, в ответ на проклятие — благословлять, на зло отвечать добром.

¹⁴ Современный перевод РБО, 2011.

¹⁵ Там же.

Важно также отметить следующее: в понятии жертвы важен не факт утраты сам по себе, а то, что она совершается ради любви к Богу и к людям. В противном случае даже очень серьезная потеря не будет жертвой в подлинном смысле этого слова: *«И если я раздам бедным все, чем владею, и даже тело свое отдам на сожжение, а любви у меня нет — ничто мне не поможет»* (1 Кор 13:3)¹⁶.

Всеобщее священство: практическое воплощение

Настало время обсудить, как практически возможно воплощение этих принципов в жизни современного христианина и Церкви в целом. Ответ на этот вопрос найти крайне необходимо, поскольку именно в нем — ключ к высвобождению силы, которая вложена в нас Святым Духом, но которая высвобождается лишь *«при действии в свою меру каждого члена»* Тела Христова (Еф 4:16).

1. Признание и благословение

Прежде всего, Церкви необходимо признать, что каждый труд есть священнослужение перед Богом. Такое признание должно выражаться в благословении каждого христианина на совершение его священнического труда дома и на рабочем месте. Речь при этом не идет о том, что труд христиан внутри общины не нужен или не важен. Созидание общины — общее дело всех христиан, а не только «освобожденных служителей». Но важно практически преодолеть совершенно неевангельское представление, что христианин служит Богу лишь пару часов в неделю, причем служение это состоит в распевании гимнов и слушании проповеди. В лучшем случае служение понимается как выполнение какой-то работы по обеспечению успешного проведения богослужения — работы, чаще всего не требующей той высокой квалификации, которой обладает большинство наших современников. Тем самым мы сообщаем христианам и всему миру, что служение Богу состоит в выполнении весьма примитивных действий! Стоит ли удивляться тому, что высокотехнологичный мир проходит мимо Церкви?

Безусловно, нужны люди, готовые безвозмездно помочь в обеспечении функционирования церковной общины: подготовить помещение для богослужения, заниматься с детьми, обеспечить музыкальное сопровождение, вести малые группы... Но этот труд должен признаваться служением **наряду** с «обычной работой», а не как единственная возможность служить Богу. И если человек действительно служит на своем рабочем

¹⁶ Современный перевод РБО, 2011.

месте, то его отказ от выполнения работы по Церкви должен восприниматься с пониманием, а не как нежелание служить Богу. Не думаю, что это приведет к уменьшению численности добровольцев. Но однозначно уменьшит количество христиан, мучающихся от чувства вины, и оздоровит атмосферу в наших общинах.

2. Подготовка

Подлинное признание священства всех верующих должно привести к смене парадигмы церковного образования: система подготовки должна быть ориентирована не только на подготовку пастырей, богословов и лидеров церковных служений, а на обучение каждого христианина практически осуществлять свое священническое служение там, где он проводит основную часть своего времени. Тем самым церковная жизнь будет намного ближе к тому, что происходит в мире, — к подлинным запросам людей и общества.

Это значит, что необходимо перестраивать существующие учебные программы семинарий и библейских школ. Нужно по-иному готовить будущих лидеров Церкви. Ведь до тех пор, пока лидеры проходят подготовку в рамках привычной парадигмы, они будут воспроизводить ее в жизни своих общин. Сейчас их обучают тому, как вовлечь христиан в активное служение *внутри* общины. В то время как нужно научить их тому, как высвободить каждого христианина для служения *вне* — там, где проходит его жизнь.

Какой должна быть программа подготовки *таких* служителей — пока большой вопрос. Но сложность ответа на этот вопрос не делает его менее актуальным: если мы не найдем путей для подготовки и высвобождения христиан для совершения священнического служения, мы будем и дальше терять позиции в современном мире.

3. Соборность

Признание священства всех верующих приведет и к изменениям в подходе к управлению Церковью. Невозможно реализовать всеобщее священство без соборности — включения каждого христианина в размышление о Церкви, ее жизни и служении, а также — в принятие решений относительно этих вопросов. Конечно, в Церкви есть люди, особо одарованные для осуществления управления, но это означает лишь то, что они призваны заниматься этой работой постоянно, — возможно, получая за нее соответствующее вознаграждение. А вовсе не исключение остальных христиан из процесса принятия принципиальных решений. Люди, чье основное служение совершается за

Невозможно реализовать всеобщее священство без соборности.

стенами церковной общины, могут гораздо лучше чувствовать вызовы, которые сегодня стоят перед нами как общиной веры, и те вопросы, ту боль мира, на которую Церковь призвана дать ответ.

На сегодняшний день соборность в жизни Церкви не признается богословски и не реализуется практически. Ведь нельзя же признать соборной ситуацию, в которой решения по Церкви принимают-

ся лишь епископами, когда для «рядового христианина» не предусмотрено никаких инструментов влияния на церковную жизнь! А ситуация именно такова, причем как в исторических, так и протестантских церквях. Тем самым потенциал основной части народа Божьего оказывается незадействованным.

Всеобщее священство как новый элитарный принцип (вместо заключения)

Новый Завет для описания Божьего народа использует множество различных образов и понятий. Среди них самым распространенным является *ἐκκλησία*, переведенное на русский язык как *церковь*. Есть два основных источника для понимания смысловой нагрузки этого греческого слова.

С одной стороны, словом *ἐκκλησία* описывалось законодательное собрание граждан древнегреческого города. Все граждане (а это — свободные взрослые мужчины, примерно 7-10% от общего числа жителей) собирались вместе, чтобы решать вопросы, жизненно важные для всего города. Это было элитарное собрание — право участвовать в нем имели далеко не все горожане!

С другой стороны, слово *ἐκκλησία* используют переводчики Ветхого Завета на греческий язык, чтобы описать народ Божий, Израиль. Им, безусловно, был известен тот элитарный оттенок, который вкладывался в это понятие греками. Потому они и берут это слово, чтобы подчеркнуть элитарный, избранный характер Израиля: **«Вот у Господа, Бога твоего, небо и небеса небес, земля и все, что на ней; но только отцов твоих принял Господь и возлюбил их, и избрал вас, семя их после них, из всех народов, как ныне видишь»** (Втор 10:14,15).

Израиль избран Богом, он есть подлинная элита этого мира! И, чтобы подчеркнуть отличие от обычной, греческой *ἐκκλησία*, переводчики Септуагинты все время добавляют *ἐκκλησία του Θεου* — *ἐκκλησία Бога*.

Христиане также используют это слово, чтобы показать: Бог создает новый народ, новую элиту мира. И принадлежность к этой новой элите определяется не правом рождения (как было и в греческих полисах, и в Израиле), а новым рождением от Духа, которое происходит через веру во Христа. Теперь люди, кто в силу социального статуса не мог быть частью *ἐκκλησία* полиса, кого изгнали из синагоги, те, кто считал себя *ἐκκλησία* Бога, стали новым народом Завета — царями и священниками Бога на земле. Христос вернул этим людям достоинство, которого они были лишены, а их жизням придал новый смысл. Вот почему принадлежность к Церкви ценилась так высоко, а отлучение было худшим из возможных наказаний!

При этом элитарность христианского сообщества понималась *странным* образом. Это была не элита, ищущая все больших привилегий, а элита, считающая высшей привилегией служение: **«...Вы знаете, что у язычников правители и начальники господствуют над ними и великие ими полностью распоряжаются. Но у вас пусть будет не так! Пусть тот, кто хочет быть у вас главным, будет вам слугой, и кто хочет быть среди вас первым, тот пусть будет для всех рабом. Ведь и Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, а чтобы служить и отдать Свою жизнь как выкуп за множество жизней»** (Мк 10:42-45)¹⁷.

Создавая новую элиту, Христос одновременно полагал совершенно иную модель элитарности. Высшей ценностью считается служение другому — стремление сделать жизнь другого лучше, чем она была до этого момента. Собственно, это же является и содержанием Евангелия: Христос принес Радостную Весть о лучшей жизни, которую человек обретает в общении с Богом. Служение ближнему в стремлении открыть ему Вечность, готовность ради этого на серьезные жертвы — это же и есть принципы всеобщего священства! Люди, живущие в такой парадигме, способны перевернуть весь мир! Это совсем не похоже на атмосферу взаимных обид, упреков, а также карьеризма, интриг и борьбы за власть, которая, к сожалению, в современном христианском мире — не редкость.

Отказ от священства всех верующих есть отказ от призвания Церкви быть Его избранным народом, фактическое согласие на роль одной из общественных

Христос вернул этим людям достоинство, которого они были лишены, а их жизням придал новый смысл.

¹⁷ Современный перевод РБО, 2011.

организаций. Преодолеть сложившуюся ситуацию нелегко. Но подлинно церковная жизнь, в которой происходит полное раскрытие каждого человека, жизнь в полноте Святого Духа и любви друг другу, стоит этих усилий.